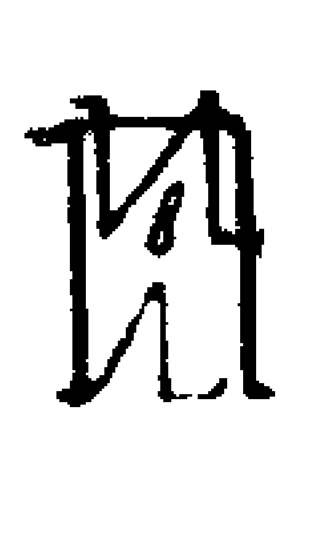
избранные повести
и рассказы

В. КАВЕРИН

ИЗБРАННЫЕ ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ В ЛЕНИНГРАДЕ

БОЛЬШАЯ ИГРА

1925

«Конечно, многие из вас дружат с игральной колодой, некоторые даже бредят во сне всеми этими семерками, червонными девами, тузами. Но случалось ли вам играть не с подметным лицом, каким-нибудь Иваном Ивановичем, а с собирательным, хотя бы мировой волей? А я играл, и эта игра мне знакома».

Хлебни ов, «Ка»

Ты играешь Большую игру.

Киплинг, «Ким»

1

— Вот я здоров, — сказал эльфин ашкер, смотря прямо в лицо Панаеву, — мои дела благополучны.
— Я очень рад услышать это от тебя, — отвечал Панаев. — Я тоже здоров, и мои дела благополучны.
— Я пользуюсь милостью Джанхоя, — сказал эльфин ашкер.
— Я завидую тебе, — отвечал Панаев, — и хотел бы повторить это от своего имени.
— Джанхой поручил мне сказать, — продолжал эльфин ашкер, — что он хочет видеть тебя здесь, в Адис-Абеба.
— Джанхой хочет меня видеть в Адис-Абеба? Отлично. Я еду, — отвечал Панаев.

Мул, оседланный по-европейски, стоял неподалеку. Эльфин ашкер кивнул головой, и двое рослых абиссинцев тотчас подвели его к Панаеву.

Панаев вернулся назад, взял шлем, трость и вышел.

Абиссинцы, взяв мула под уздцы, шагом повели его по городу. Панаев, низко надвинув шлем на лоб, глядел

по сторонам. Он не видел ничего, кроме белых домов, крытых соломой, абиссинцев в тогах, коричневых от грязи, и цепи гор на отдаленном горизонте. Только на одно мгновение он знаком приказал задержать мула.

Мимо него пробежал старик с грязной тряпкой вокруг костлявых бедер. Он бил руками и ногами в кожу, натянутую на обруч, и кричал что-то высоким гортанным голосом на незнакомом Панаеву наречии. За ним, с достоинством покачиваясь на муле, ехал пожилой почтенный абиссинец в белой тоге, закинутой далеко за плечо.

— О чем кричит старик? — спросил Панаев у эльфин ашкера.

— Он кричит: мой господин беден и стар. Мой господин слаб и болен. Дайте хотя бы один талари для моего господина.

— Это нищий?

— Нищий едет на муле, — отвечал эльфин ашкер, — его раб собирает для него подаяние.

Панаев опустил поводья.

Спустя несколько минут они достигли Геби — дворца негуса. Дом негуса почти ничем не отличался от домов других обитателей Адис-Абеба, кроме того, что он был двухэтажный и окружен семью оградами — одна в другой, концентрическими кругами. По дворцовым обычаям только принцы крови могли ехать верхом до седьмой ограды.

Панаеву предложили слезть с мула за первой.

Эльфин ашкер жестом пригласил его следовать за собой. Вход в каждую ограду был расположен под углом к следующему входу.

Шахматным ходом коня Панаев прошел за своим провожатым до самого дворца. Эльфин ашкер исчез, едва лишь гость негуса поднялся по ступенькам террасы.

Подумав мгновенье, Панаев толкнул ногою дверь. Узкая комната под плетеной соломенной крышей была пуста. Немного прихрамывая, Панаев прошел комнату и вновь наткнулся на двери. Он отворил их: старый абиссинец с волосатым лицом, в черной шелковой мантии и короткой накидке сидел на низком диване. Двое слуг с равнодушными лицами стояли неподалеку.

— Простите, — сказал Панаев, вежливо кланяясь, — не имею ли я честь...

— Вот я здоров, — сказал дребезжащим голосом старик в мантии, — и дела мои благополучны. А как здоровье императора твоей страны?

— Благодарю Джанхоя, — отвечал Панаев, — здоровье и дела императора благополучны.

Он замолчал на мгновенье и, вспомнив о последних слышанных им перед отъездом из России известиях с театра войны, — о разгроме армии Самсонова, — добавил:

— Его войска одерживают победы.

— Как ты ехал в Хабеш? — спросил Уалама.

— Через Сомалиленд.

— Не тревожили ли тебя сомали?

— Нет, я ехал спокойно.

— Не было ли слишком жарко в пути?

— Нет, я легко переношу жару.

— Тейч, — сказал Уалама, оборотясь к слугам, стоявшим за его спиной.

Тотчас двое слуг и кравчий внесли небольшой поднос с двумя маленькими графинами, обернутыми пурпуром. Для Панаева возле одного из графинов стоял стакан. Кравчий налил немного вина в ладонь и быстрым движением поднес руку ко рту. По обычаю, он показывал этим, что вино не отравлено.

— Я негус Хабеша, — сказал Уалама, — я правлю этой страной. А каковы твои занятия, иностранец?

— Я изучаю восточные языки, — отвечал Панаев. — В Хабеш я приехал, чтобы увеличить свои знания.

Негус засмеялся, широко раскрыв рот.

— Ты говоришь по-эфиопски так, как будто ты здесь родился. Откуда ты так хорошо знаешь наш язык?

— В молодости я прожил в Хабеше два года, — объяснил Панаев, — я профессор, Джанхой, и учу восточным языкам в петербургском университете.

— Тейч, — сказал Уалама, кивнув головой на пустые графинчики. Слуга и кравчий заменили пустые графинчики полными.

— Ты пишешь книги?

— Я написал несколько книг.

— Я хорошо знал трех людей из вашей страны, — сказал Уалама, — и все они были достойные люди. Первым был ваш ученый Башкирцев, он прожил в Адис-Абеба семь лет и уехал, увезя с собою все драгоценности из церкви св. Габриеля. Второю была женщина — не помню, как ее звали. Она была красива, и потому сын моего друга Асфала был застрелен в лесу английскими шакалами. Третьим был граф Леоньтьев. Он руководил нашей армией в борьбе с итальянцами. Я его очень любил. Случилось так, что он ограбил английское посольство, и эти собаки, кажется, повесили его в Сомалиленде.

Панаев допил свой стакан и внимательно поглядел на негуса.

Негус пил.

— Это были достойные люди, — сказал Панаев.

— Тейч, — сказал Уалама.

Они пили некоторое время молча.

Панаев перевел глаза от лица Уаламы на низкое окно. Он увидел ровные колонны кактусов, эвкалипты и игрушечные дома, обнесенные земляными валами.

— Леоньтьева я знал, — сказал он. — Возможно, что он действительно умер в Сомалиленде. Джанхой имеет и европейские вина?

Уалама кивнул головой.

— Токайское, кюммель, портвейн, — отвечал он, хитро улыбнувшись.

Принесли вина.

— Я должен тебе сказать, Джанхой, — начал Панаев, пристально глядя на негуса, — что я явился сюда с некоторыми важными сообщениями.

— Говори, — отвечал Уалама. Он опрокинулся на спинку дивана и всунул горлышко бутылки в рот.

— Известно ли тебе, Джанхой, — продолжал Панаев, — что делают при твоем дворе англичане?

Уалама отнял бутылку ото рта и прислушался.

— Англия, конечно, великая страна, — сказал медленно Панаев, — но ею правит народ. Разве она имеет такого императора, как ты, Джанхой? Король Англии во власти народа. А разве твой народ правит тобою, Джанхой?

— Я правлю моим народом, — отвечал Уалама.

— Абиссиния, Конго, Россия — вот три страны, в которых нет ни палат, ни парламентов, а если есть, то они не имеют ни значения, ни власти.

— Да, да, да, — отвечал Уалама, — я знаю, что все иностранцы мошенники. Ты хотел сказать, что делают при моем дворце англичане?

— Я бы выпил рому, — сказал Панаев.

Принесли рому. Негус погладил бороду и выпил графинчик рому.

Панаев едва дотронулся до своего стакана.

— Перейдем к англичанам, — продолжал он, — правда ли, что у тебя есть двоюродный брат, Джанхой?

Уалама рыгнул и хитро выпятил губы.

— У меня есть двоюродный брат.

— Его зовут Тафарэ?

— Его зовут Тафарэ.

— У него очень часто обедают англичане.

— У Тафарэ хорошие обеды, — объяснил негус, — у него много мяса. Англичане очень любят мясо.

— Но у тебя есть внук Личьясу, сын твоей дочери.

Уалама кивнул головой.

— А кому из них ты завещаешь свой престол, Джанхой?

— Тейч, — сказал Уалама.

Снова принесли вино.

— Англичане мошенники, — говорил Уалама, — они хотят, чтобы после моей смерти негусом Хабеша стал Тафарэ. Зуб шакала им в зад. На престол сядет Личьясу.

Панаев несколько мгновений внимательно глядел на негуса, потом придвинулся к нему вплотную и сказал, отчеканивая каждое слово:

— Мне известны замыслы англичан. Если ты не отречешься от престола в пользу Личьясу, то престол через десять дней займет Тафарэ.

Негус, широко раскрыв глаза, глядел на него с изумлением.

— Пей, чортов сын, — сказал Панаев по-русски, придвигая непочатую бутылку к Уаламе, и прибавил по-абиссински:

— Позови секретаря, Джанхой!

— Я позову секретаря, — отвечал Уалама задумчиво. — Зуб

шакала им между ног, они мне мешают пить, эти английские собаки.

Он, шатаясь, подошел к двери и позвал секретаря.

Высокий абиссинец в белоснежной тоге и штанах чуть ниже колен вошел в комнату.

— Пиши, — сказал Уалама.

Высокий абиссинец присел на корточки и разложил на коленях пергаментную бумагу.

– Народы Хабеша и народы Тигре! — начал Уалама.

Он рыгнул и встал, качаясь.

●

2

№ 348/24

Совершенно секретно

Инспектор полиции
Хью Ватсон

Ответственному агенту полиции
Стивэну Вуду

ПРИКАЗ

Настоящим предписываю вам немедленно выехать в Россию (гор. Петроград). Целью вашего откомандирования служит изъятие из рук некоего лица документа, необходимого правительству Британии.

Настоящее поручение возлагается на вас как на агента, знающего русский язык. Ваши обязанности в Кингстоуне предписываю сдать агенту Ричарду Броуну. Необходимые суммы высылаются телеграфом.

Розыскная карточка, как и точная копия подлежащего изъятию документа с дословным переводом его на английский язык при сем прилагаются.

Инспектор полиции гор. Лондона
Хью Фоссет Ватсон.

РОЗЫСКНАЯ КАРТОЧКА № 7781

В дополнение к приказу № 348/24.

I. Портрет	не имеется
II. Имя, фамилия	неизвестны
III. Возраст	лет 45—50

IV. Профессия	неизвестна
V. Местонахождение	Россия, гор. Петроград
VI. Приметы {Рост	средний
{Цвет волос . . .	светлый, носит усы
VII. Особые приметы	не имеет левой руки, ходит прихрамывая

В исполнение приказа № 348/24 принять к сведению.

Инспектор полиции *Хью Фоссет Ватсон.*

Агент полиции
Стивэн Вуд

Инспектору полиции
Хью Фоссет Ватсону

Сэр!

Как известно, агент английской полиции обязан не иметь никаких предчувствий (правила полицейской агентуры § 24). Памятуя также, что агент английской полиции о каждом предчувствии или каком-либо ином внеслужебном ощущении обязан немедленно доложить своему непосредственному начальнику, для замены его, в случае надобности, агентом, ничего не предчувствующим, осмеливаюсь:

1) доложить вам, сэр, что некоторые неблагоприятные предчувствия овладели мною, и

2) представить вам, сэр, некоторые незначительные подробности моего жизнеописания, которые при моем поступлении на службу остались неизвестны мистеру Гайтону, вашему предшественнику, и которые, я надеюсь, пояснят вам, каким образом у агента долголетней службы могли возникнуть внеслужебные ощущения.

Я не буду задерживать вас, сэр, длительным изложением всех причин, побудивших меня родиться именно в Англии, а не в каком-либо другом месте земного шара.

Мистеру Гайтону, вашему предшественнику, сэр, было известно, что я родился в Годальминге, в тридцати милях от Лондона, в зажиточной купеческой семье «Торговый Дом Плоут и К°», у дочери владельца, мисс Елизаветы Плоут, девушки восемнадцати лет.

Вы скажете, сэр, что я родился вопреки всем прави-

лам теологии, экзегетики и прочих наук в этом роде? Я должен сознаться, что эти науки для меня не стоят и полпенса.

В тринадцать лет я исколесил всю Англию. Я был газетчиком в Шеффильде, угадывателем мыслей в Плимуте и вором в Лондоне. Наконец, в Ньюкэстле я сделался шулером.

Вероятнее всего, моя работа в этой области осталась неизвестной мистеру Гайтону, вашему предшественнику, сэр.

Под руководством Джима Эндрьюса, знаменитого игрока, я изучил в специальной школе всю сложнейшую систему шулерской игры. Не буду утомлять вас, сэр, описанием моих занятий в этой школе. Упомяну только, что шулерское дело в Англии восьмидесятых годов было поставлено значительно лучше, чем преподавание в Оксфорде или Кембридже. Впрочем, в школу принимались люди с большей выдержкой, чем эти кембриджские юноши в узких штанах. Моя выдержка к тому времени равнялась восьми годам тюремного заключения, что также вероятнее всего осталось неизвестно мистеру Гайтону, вашему предшественнику, сэр. С того времени тюремные системы европейских стран неоднократно привлекали мое внимание, и это впоследствии дало мне возможность с успехом применить выработанный мною способ внутритюремной агентуры.

Одновременно с моими занятиями в школе шулерской игры я начал писать статьи в «Кингстоунской газете». Нужно отметить, что только тупые британцы не могли понять, что в хронике местных событий я возвещал учение, которое несколько столетий тому назад возродило бы мир.

Тогда я впервые пожалел о моем решении родиться в Англии. Я не невежда, сэр, и должен признать, что наука за последние два-три столетия нанесла значительные уроны религии. Но ведь нет ни одного честного британца старше пятидесяти трех лет, который бы по воскресным дням не прочитывал хотя бы одну главу из ветхого или нового завета в самом плохом издании.

В самом деле, сэр, ведь не может быть, чтобы я родился напрасно?!

Не может быть, чтобы честный британец предпочел мне какого-то самозванца, который никогда не существовал и который приснился человечеству, когда весь мир был населен евреями и все евреи были раввинами?

Чорт возьми, сэр! Я не однажды пытался доказать, что *я* — создатель вселенной, что именно я и никто другой отринул землю от небес и пустил винтом всю эту небесную механику. Все было напрасно: я добился только одного результата: директор бродячего цирка предложил мне показывать фокусы и заняться чтением мыслей на расстоянии.

Должен сознаться, сэр: все рухнуло, в бога верят только старые евреи, и то когда они умирают. Техника Европы убила чудо, и мир вышел из повиновения богу.

Это также, вероятнее всего, осталось неизвестным мистеру Гайтону, вашему предшественнику, сэр.

В интересах дела, поручаемого мне вашим приказом, я должен также известить вас, что от блистательных времен моего владычества над миром у меня осталось только уменье делать карточные фокусы и передергивать при любой игре на виду у всех незаметно.

Сэр, бог одряхлел! Тяжелые предчувствия томят его, сэр.

Впрочем, могу вас заверить, что решительно ничто не помешает мне с рвением отдаться моему делу и во что бы то ни стало выполнить приказ № 348/24.

Готовый к услугам

Стивэн Вуд.

Еще одну минуту, сэр! Я позабыл сообщить вам, что Кингстоун населен сумасшедшими, среди которых множество буйных. Я советую обратить внимание на судью Хюлета, торговку овощами Елизавету Скотт, агента Джемса Броуна и на всех, кто осмеливается утверждать, что у меня поврежден рассудок.

Вы не можете себе представить, сэр, как тяжело жить в городе, населенном несчастными безумцами.

Еще несколько слов о мировых событиях. Не замечали ли вы когда-нибудь, сэр, что именно в то время, когда

я играю, совершаются величайшие события истории? Как сейчас помню, в день объявления мировой войны я проиграл две партии в штосс на крупную сумму. Вы можете быть уверены, сэр, что я играю не даром!

3

Инспектор Хью Фоссет Ватсон едва лишь успел доложить о письме высшему управлению полиции, а высшее управление полиции едва лишь успело запросить о местопребывании агента английское посольство в России, как Стивэн Вуд уже бродил по Петрограду с браунингом в кармане брюк и розыскной карточкой № 7781 перед глазами.

Он появлялся повсюду: то изысканным европейцем в цилиндре и английском полупальто, то русским офицером в чине штабс-капитана, то оборванцем в серой кепке и разодранной солдатской шинели. Только очень опытный глаз мог различить в оборванце чуть-чуть преувеличенную склонность к сплевыванию сквозь зубы, в блестящем штабс-капитане чересчур четкое движение руки, подносимой к козырьку фуражки. Он появлялся в ресторанах, которые были полны погонами, волочащимися шашками, молодыми людьми в слишком свежем белье и дамами на любую сумму.

Он появлялся в тайных клубах — «мельницах». Женщины в трауре играли, оплакивая своих мужей и братьев.

Он появлялся в рабочих кварталах, на тайных собраниях, где блузники в засаленных штанах делили землю и ниспровергали небо.

Инспектор полиции Хью Фоссет Ватсон, как и главное управление полиции города Лондона, могли быть довольны агентом Вудом.

Согласно тому правилу полицейский агентуры, которое гласит, что каждый агент, по прибытии на место назначения, обязан тотчас же ознакомиться с расположением местности, на территории которой находится разыскиваемое лицо, он изучал гибнувший город.

Он искал и находил десятки людей сорока пяти-пяти-

десяти лет, среднего роста, которых война лишила левой руки и заставила ходить прихрамывая, и ни один из них, несмотря на все это, не имел никакого отношения к манифесту негуса Уаламы.

4

Однажды, бродя по Петрограду, Вуд зашел в пивную под названием «Разоренная Бельгия» на Лиговской улице. На этот раз он был одет в обычный полудорожный костюм — резиновое пальто, серое кепи и гетры. Спустившись по ступенькам вниз, он уселся у окна и потребовал пива.

Только три-четыре столика были заняты. За одним из них в глубине комнаты сидели: блестящий студент в застегнутой доверху шинели, на которой императорскими орлами горели пуговицы, женщина, одетая с наивозможной скромностью, и оборванец.

Вуд прислушался к тому, что они говорили.

— В этом году дела самые что ни на есть пустые, — говорил оборванец, — вот в прошлом году была тактичная работа.

— Вот видите ли, — говорил студент, раскрыв портсигар и с нервностью постукивая папиросой о край стола, — сегодня, когда мы познакомились, я говорил вам, что мне бы очень хотелось принять участие в... в ваших занятиях.

Он замолчал на мгновение и быстро перевел глаза с зеркала напротив на лицо оборванца и обратно.

— Видите ли, просто трудно жить на те средства, которые мне предоставлены. Я не могу из-за недостатка в средствах отказывать себе... в моих друзьях из высшего общества или...

— Или в нескольких подругах, — добавила женщина.

— Словом, ваши занятия или, вернее, мое участие в ваших занятиях было бы для меня желательно. Так что, может быть, я...

— Если вы будете только наводчиком, — сказал оборванец, — так из этого, пожалуй, клею не выжмешь. Да и вас это не покроет.

— Наводчик... это, так сказать, показывать вам различные места для покражи?

— Именно так-с. Если можно так выразиться, для совершения противозаконных действий.

Вуд выпил свой стакан и налил себе из другой бутылки.

— Если бы вы допустили меня к участию в ваших делах, — говорил студент, бегая глазами и потирая слегка дрожащие руки, — это было бы одинаково удобно для нас обоих. Я часто бываю среди общества, которое могло бы, вероятно, занять вас.

Оборванец почесал небритый подбородок.

— Вы, кажется, изволите пребывать-с на восточном факультете?

— Да.

Вуд прислушался. Внезапная мысль о человеке, обладающем «документом, необходимым правительству Британии», мелькнула в голове и чуть не заставила расплескать пиво.

— У вас, должно быть, имеются знакомства среди...

Оборванец перегнулся через стол к студенту и что-то прошептал на ухо. Студент отвечал также шопотом.

Вуд встал и подошел к ним.

— Простите, — сказал он, обращаясь к студенту, — вы разрешите мне оторвать вас от ваших друзей на одну минуту?

— Я к вашим услугам, — сказал студент, вскакивая.

Они отошли в сторону и сели за столик у окна.

— Будем знакомы, — сказал агент английской полиции. — Шарыгин из Киева. Где-то имел удовольствие вас видеть.

— Свехновицкий, — пробормотал студент.

— Я слышал ваш разговор, — начал холодно Вуд, — и очень жалел, что в вашем университете, повидимому, не имеют понятия о Регенсдорфской тюремной системе. Эта система, уверяю вас, совершенно излечивает от всякой склонности к преступлениям.

— Милостивый государь... — начал с гневом Свехновицкий.

— Впрочем, я позволил себе потревожить вас по другому делу. — Вуд ласково улыбнулся или попытался улыбнуться, подняв углы губ и сморщив кожу на переносице. — Я слы-

шал, что вы студент восточного факультета. А позвольте узнать, какие языки вы изучаете?
— Я изучаю арабский, персидский, турецкий, если вам угодно.
— А известен вам абиссинский язык?
— В Абиссинии говорят на эфиопском языке. Эфиопского я почти не знаю. Но что вам, собственно говоря, от меня нужно?
— Еще один вопрос. Не знаете ли вы здесь, в Петрограде, человека, который бы владел этим языком вполне свободно?
— Кроме бывшего русского посланника в Абиссинии, который уже года два-три как вернулся в Петроград, никого не знаю. Да и посланника знаю только по имени.
— А позвольте узнать, кто преподает этот язык в вашем университете?
— Со времени моего поступления в университет этот язык у нас не преподавался. А почему, собственно говоря, вас это интересует?

Вуд как будто не расслышал вопроса.

— Не знаете ли вы случайно, кто преподавал этот язык до вашего поступления в университет?
— Эфиопский язык преподавал профессор Панаев. Вы, вероятно, восточник?
— Панаев? Ах, да! — вспомнил Вуд. — Этот безрукий?
— Нет, совсем не безрукий, то есть у него две руки.
— Да нет!
— Могу вас уверить. Правда, близко я его никогда не знал, но бывал на его лекциях и видел неоднократно.

Вуд снова сморщил лицо в приветливую улыбку.

— Позвольте теперь объяснить вам мою назойливость. У меня хранится очень древний документ, написанный, по преданию, на абиссинском языке. Мой предок Матвей Шарыгин еще при Елизавете попал в Абиссинию и вывез оттуда документ, который якобы заключает точные указания на местонахождение зарытого там клада. Я тщетно пытался в Киеве отыскать человека, знакомого с этим языком. Если бы вы помогли мне, я был бы вам сердечно обязан.
— Вот в чем дело! Это, действительно, любопытно. Может

быть, я попытался бы. У вас при себе этот документ?

— К сожалению, не захватил.

— А вы бы занесли его ко мне как-нибудь!

— С удовольствием. Вы позволите ваш адрес?

— Литейный, тридцать два, квартира четырнадцать, к вашим услугам. Заходите в воскресенье, часов в шесть.

— Благодарю вас, зайду непременно.

Вуд с благодарностью пожал руку Свехновицкому, расплатился и вышел.

Студент вернулся к своему столу.

— Отчасти это даже нетактично сообщать незнакомым людям про свою квартиру, — сказал оборванец, с иронией сощурив глаз, — так очень даже просто и на борзого клюнуть-с! Так с вами и работы никакой-с! На том и простите-с.

Он встал, покачиваясь, и застегнул порванное пальто на все пуговицы.

— Оставь его, Сигизмунд, — сказала женщина студенту, и оборванец, размахивая тросточкой, весело поклонился и выбежал из пивной.

У Николаевского вокзала он догнал Вуда.

— Позвольте-с вас на одно мгновенье, — сказал он, касаясь плеча агента, — я слышал, что вы бубнили пижону. А не нужен ли вам опытный фай?

Вуд обернулся к нему с веселым видом.

— Ах, это вы, — сказал он, — отлично. Может быть ваши услуги мне понадобятся. Где же тогда позволите вас искать?

— На Обводном-с, в заведеньи Юдки Гамбера, № 98. Спросить Ваську Скривела.

Вуд записал адрес, ласково похлопал оборванца по плечу и повернул на Невский.

5

В назначенный день Вуд звонил у квартиры Свехновицкого.

Горничная отворила ему двери.

— Простите, — сказал Вуд, — могу я увидеть студента Свехновицкого?

Горничная исчезла, где-то далеко постучала в двери и крикнула:

— Сигизмунд Фелицианович, к вам!

Студент вышел бледный, с заспанным лицом, в тужурке, небрежно накинутой на плечи.

— Я к вам, если разрешите, — сказал Вуд, вежливо улыбаясь.

Они прошли в комнату Свехновицкого.

— Вы, кажется, из Киева? — спросил студент, подвигая к Вуду ящик с сигарами. — Вы раньше в Петрограде не бывали?

— Нет, не бывал, — поспешно отвечал Вуд. Щелкнув зубами, он откусил кончик сигары. — Никогда раньше не бывал. Очень интересно. Замечательный город. Я думаю, впрочем, что он требует еще некоторой организационной работы.

— Да? Какой же именно?

— Работы над тюрьмами. Россия совершенно отстала в этом отношении от Запада. Я на-днях с удивлением узнал, что в петроградских тюрьмах господствуют устаревшие, никуда негодные системы.

Студент посмотрел на него с удивлением.

— А почему, собственно, вы заинтересовались тюрьмами?

Вуд поднял к нему лицо, изрезанное морщинами.

Углы губ раздвинулись, глаза сузились, подбородок выдвинулся вперед. Он смеялся.

— Нет, я просто одно время имел отношение к юриспруденции и интересовался именно тюремным вопросом. Не больше. Но я, вероятно, задерживаю вас? Может быть...

— Нет, нисколько. Вы, кажется, хотели принести мне ваш документ на абиссинском языке?

— Да, я принес его. Но только... Я сам не знаю, о чем идет речь в этом документе. Поэтому если старинное предание о местонахождении клада окажется достоверным, то...

— Вы можете быть уверены в моей скромности, — поспешно перебил Свехновицкий.

— Я совершенно уверен в вас, — сказал шулер, — а еще больше в вашем знании абиссинского языка.

— Боюсь, что насчет языка я обману ваши ожидания.

Вуд вытащил из бокового кармана сверток пергаментной бумаги и развернул его на столе.

Свехновицкий долго и с большим усердием рассматривал документ. Он взял с полки огромный эфиопско-французский словарь и с его помощью пытался перевести манифест негуса Уаламы.

Вуд молча следил за ним внимательными глазами.

— Прежде всего я должен разочаровать вас насчет старинности документа, — начал Свехновицкий, отрываясь от текста. — Даже мой, весьма неопытный, глаз ясно различает, что этот документ составлен самое большое лет тридцать тому назад.

«Или дней тридцать» — добавил мысленно Вуд.

— Первая фраза представляет собою обращение, — продолжал студент, — и переводится очень легко. Народы Хабеша и народы Тигрэ! Хабеш — это Абиссиния по-эфиопски, Тигрэ — одна из соседних областей, недавно присоединенных к этой стране. Дальше идет речь о государственной власти, о борьбе с какими-то врагами, а для перевода, нужно сознаться, у меня нехватает знания языка.

— Ах, так! — улыбаясь, сказал агент.

— Но можно быть почти уверенным, что ваше старинное предание недостоверно. Бумага имеет печать и по всем признакам носит официальный характер. Это какой-то приказ или, быть может, судебное решение, не больше. Можно быть вполне уверенным, что указания на местонахождение клада не начинались бы обращением ко всему населению Абиссинии.

— Ах, да! — с сожалением подтвердил Вуд. — Пожалуй, вы правы. Но все-таки неужели в Петрограде не найдется ни одного человека, который бы прочел этот приказ или судебное решение?

Студент задумался.

— Собственно говоря, нет ничего проще, — сказал он небрежно. — Зайдите в Азиатский музей при Академии наук, и я убежден, что там среди библиотекарей найдутся люди, которые помогут вам.

— Вот на этот раз я исполнил ваш совет заранее. Как

раз вчера я был в Азиатском музее, и мне решительно отказали в переводе этого документа по причине незнания диалекта, на котором он написан.

— А к кому именно вы обращались?

— Не помню фамилии, — отвечал Вуд серьезно. — У меня очень дурная память на фамилии.

Свехновицкий снова задумался.

— Если бы вы сумели найти профессора Панаева, — сказал он, наконец, — ваш документ был бы переведен в четверть часа.

— Ах, да, Панаев! Но, может быть, вам известен его адрес?

— Нет. Я думаю, его адрес никому не известен. Если вы хотите найти его, отправляйтесь в игорный притон самого низкого пошиба.

— Притон? Игорный притон? Вот странно! — вскричал Вуд. — Он, кажется, профессор университета, и вдруг вы предлагаете мне искать его в игорном притоне.

— Он давно оставил университет, — сказал Свехновицкий. — Впрочем, я ничего достоверного о нем не знаю. О Панаеве ходят странные слухи: говорят, что он наркоман, говорят, что он гениальный шулер, говорят, что он авантюрист и неоднократно показывал себя с этой стороны во время своего пребывания на Востоке.

Вуд снова беззвучно рассмеялся.

— И вы говорите, что у него целы обе руки?

Студент посмотрел на него с опаской.

— Да, у него целы обе руки, — сказал он, вставая и давая этим понять, что визит окончен.

Вуд вскочил, бросив на стол сигару.

— Благодарю вас за ваши сведения, — сказал он, — я боюсь, что навряд ли моему документу суждено быть переведенным в Петрограде.

Студент проводил его до двери. Он откланялся и ушел.

6

В течение недели Вуд изучал притоны Петрограда. Он бывал в тайных притонах на Васильевском, в глухих местах, куда не осмеливалась за годы войны проникать

полиция, на Ротах, в публичных домах, где рядом с солдатами, убегавшими на ночь из Измайловских казарм, биржевики и маклера, которыми кишел город, проводили пьяные ночи, и где под веселую музыку «Танго» и «Черных гусаров» процветали очко и железка.

Он бывал в картежных притонах на Витебской улице, где редкая ночь проходила без поножовщины, и в «Холмушах» на Воронежской, где бывшие экономки публичных домов торговали коньяком и ханжою. Внимательный и осторожный, занятый своим делом, помня только приказ №348/24 и настойчиво стремясь найти человека, указанного розыскной карточкой, он мог бы удовлетворить самые строгие требования английской агентуры. Инспектор Хью Фоссет Ватсон не узнал бы в нем автора письма о внеслужебных ощущениях, а английское посольство успокоительно ответило бы на запрос Скотленд Ярда.

Однажды Вуд попал в игорный притон на Лиговке. Он был одет оборванцем, которому кое-как удалось стырить, в продырявленном котелке, порыжелом пальто и опорках.

Притон ничем не отличался от десятка других, которые посещал Вуд во время своих блужданий. На втором дворе, во флигеле грязного дома в трех-четырех комнатах играли в карты, пили. Аферисты и шулера, одетые иногда с изысканностью, обсуждали дела наряду с профессиональными нищими. Гастролеры и маровихеры намечали пассажиров и делили награбленное. Здесь, готовясь сгореть, прогуливали последние ночи мойщики, здесь наводчики с аристократами делали рыхту и блатовали еще неопытных воров.

Вуд прошел по комнате с небрежным и рассеянным видом, останавливаясь здесь и там на минутку у каждого стола, чтобы взять карту, проиграть или выиграть два-три рубля, прислушаться к разговору и, мельком взглянув на лица и руки играющих, пройти дальше.

Наконец, снова теряя надежду найти Панаева, он принялся наблюдать за игрой на небольшом столе в задней комнате.

Трое молчаливых бродяг играли в очко, любимую игру притонов. Один из них, молодой, румяный, с небольшими усиками, франтовски одетый в новенький пиджак и высокие лакированные сапоги, держал банк. Двое дру-

гих — усатый старик с сухим лицом, сидевший прямо, заложив левую руку за борт пальто, и костлявый парень в солдатской гимнастерке — были его партнерами.

Вуд шатался неподалеку от них, заглядывая в карты, куря крупную, едкую, как огонь, махорку, и не пропускал ни одного взгляда, мельком брошенного на него.

Спустя полчаса к столу, за которым он следил, подошел какой-то оборванец.

— Ха, бурч, дай-ка карточку!

— Не игра, — коротко сказал старик, отталкивая протянутую руку.

Это значило, что играют на какое-нибудь дело и нового партнера в круг не берут.

Привстав, тот же игрок вытащил левую руку из-за борта пальто и осторожно положил ее на стол. Рука, разгибаясь, щелкнула.

«Лет сорок пять-пятьдесят? Пожалуй, больше. Носит усы, светлые волосы, ходит прихрамывая, — розыскная карточка промелькнула перед глазами Вуда. — Посмотрим, однако, ходит ли он прихрамывая?»

— Играем, брат, на гранд, — вежливо сказал франтоватый банкомет оборванцу, — подходи через полчасика.

Они продолжали игру.

— Карту!

— Пожалуйте шеперочку!

— Еще! Довольно!

— Восемь, двенадцать, шестнадцать. А ну-ка, натянем чижика!

Положив две карты рубашками вверх, франт принялся, медленно выдвигая нижнюю карту, натягивать себе очко. Старик глядел на него равнодушными глазами.

— Просадил, — сказал банкомет, бросая карты на стол. Банк перешел к старику.

Собрав карты и вложив их в левую руку, он быстро стасовал колоду. Рука приподнялась вверх, снова щелкнула и упала на стол с металлическим стуком.

Вуд, блестя глазами, закурил и вновь прошелся по притону.

Спустя несколько минут франтоватый парень, проигравшись до тла, о чем-то горячо заговорил со стариком, бро-

сил карты, плюнул, пошел к прилавку. Костлявый партнер исчез куда-то.

Старик остался один за столом.

Франтоватый парень выпил водки из пивного стакана, притопнул ногой и затянул сладким тенором:

Позарастали
Мохом дорожки,
Где проходили
Милого ножки...

Мужик в поддевке, стоявший за прилавком, тотчас подтянул:

Позарастали,
Попропадали,
Где мы с тобою,
Мой милый, гуляли...

И уже весь притон пел:

Позарастали,
Попропадали,
Где мы с тобою
Цветики рвали...

Вуд, пошатываясь, притворяясь пьяным, сзади подошел к старику.

Старик сидел неподвижно, глядя перед собой равнодушными и усталыми глазами. Левая рука, которая, казалось бы, ничем не отличалась от правой, закинутая назад, свисала со спинки стула.

Вуд, наклонившись всем телом и заслоняя собою фигуру старика, расстегнул булавку, которою был заколот его грязный галстук, и с силой вколол ее в эту руку, повыше кисти.

Старик не обернулся. Вуд беззвучно рассмеялся и, блестя глазами, вытащил булавку.

Притон гремел:

В комнатке тихой
За ширмочка́ми
Стоит кроватка
С подушечка́ми.

Дверь распахнулась с пронзительным свистом, визгливый женский голос прокричал в распахнутые двери:

— Фа-ра-оны!..

Старик вскочил и, осторожно пробираясь вдоль стены, свернул, прихрамывая, в темный коридор. Вуд, не спуская с него взгляда, прошел за ним крадущимися шагами.

Внезапно в темноте снизу замаячил свет. Что-то черное мелькнуло в свету и тотчас же исчезло.

Вуд осторожно подошел ближе: подъемный люк вел на круговую лестницу.

Подождав, пока шаги умолкли внизу, Вуд опустил за собою люк и спустился по лестнице.

Пробежав через небольшой двор, он вышел на Лиговку. Невдалеке под фонарем он различил четкую фигуру. Осторожно ступая, перебегая в тени вдоль заборов, он приблизился к старику. Вдруг ветер донес до него песню. Старик пел глуховатым голосом, слегка помахивая в такт правой рукой:

А на кроватке
Милка лежала,
На правой ручке
Дружка держала.
«Милая дуся,
Я не боюся, —
Мене зачалют,
Я откуплюся».

7

Старик с искусственной рукой пересек Знаменскую площадь, прошел по Лиговке до Мальцевского рынка и свернул вдоль решетки сада по Бассейной.

Агент следовал за ним, избегая освещенных мест. Походка его приобрела эластичность, мягкость. Опустив голову и подняв воротник пальто, он скользил в снегу, прячась за каждым выступом дома.

Старик пересек Большую Болотную, прошел дальше и на углу 10-й Рождественской и Суворовского купил газету.

В ясном свете фонарей он пошел дальше по Десятой Рождественской, покачивая в такт шагам левою рукою.

Едва только четкая фигура скрылась в тени огромного углового дома, агент быстро перебежал дорогу и осторожно выглянул из-за угла.

Старик исчез. Вуд прошел несколько шагов, заглянул в переулок — никого не было видно в снегу — и остановился неподвижно.

Спустя несколько минут мимо него в ворота дома прошел китаец.

Вуд отошел немного назад, закурил и, выдвинув нижнюю челюсть, опустив углы губ, беззвучно рассмеялся.

Немного погодя за первым китайцем последовал второй, потом третий.

Вуд бросил папиросу и, пройдя небольшой дворик, наугад постучал в двери.

— Ктоа таам?

— Свой, отворите, пожалуйста.

Подслеповатый китаец без шума отворил дверь.

— Простите, — сказал Вуд, — не могу ли я увидеть...

Он остновился, не зная, кого назвать, — китаец, не слушая, распахнул перед ним двери.

Вуд прошел коридор, освещенный коптящей лампой. Китаец исчез.

Вуд отворил дверь и остановился на пороге неподвижно, вскинув брови.

— Раостуй, господин, — сказал пожилой китаец, сидевший на табурете возле двери.

— Здравствуйте, — отвечал Вуд.

Они помолчали немного.

— Пеарвый раз? — спросил китаец.

— Первый раз, — отвечал Вуд, улыбнувшись.

Китаец встал и отворил двери во вторую комнату. Вуд сделал несколько шагов и остановился, зорко оглядываясь.

Комната вдоль по стенам была прорезана низкими нарами.

Кое-где на грудах тряпок лежали с полузакрытыми глазами китайцы. Старик с искусственной рукой растянулся на низкой кушетке недалеко от двери.

Подслеповатый китаец, неслышно ступая, указал Вуду свободное место на нарах. Немного погодя он принес

трубку и несколько кубиков опия. Агент лег, и китаец, сунув ему в зубы мундштук, принялся вмазывать опий в трубку.

Стараясь не дышать грудью, Вуд начал втягивать дым пожелтевшими губами.

«Главное — система. Ни одного шага нельзя делать без системы».

Еще внимательными и острыми глазами он видел, как пожилой китаец подошел к старику и о чем-то заговорил с ним.

Вуд расслышал только две фразы:

— Как дела, Лао-Тянь? — спросил старик, не выпуская изо рта мундштука трубки.

— Плуохо деала, сеншин Панау, — отвечал Ляо-Тянь певуче.

«Панау — это Панаев» — догадался Вуд.

Легкий и приторный дым поплыл вокруг него. Он неожиданно почувствовал страшную усталость, подумал: «Нельзя дышать, усну», в то же мгновенье машинально вдохнул дым и на секунду задохся.

Китаец равнодушно вмазывал кубик за кубиком в трубку. Пол и потолок сплющились, и зеленый свет закружился досадными точками.

Потом зеленый сменился голубым, и потолок ударился в небо.

Слово «система», вычерченное красными буквами на блестящей стальной пластинке, ударило ему в лоб. Лоб раскололся от удара и тотчас замкнулся снова.

Комната вытянулась в длинный и узкий коридор, вымощенный квадратными плитами.

Высокий патер в рясе с опущенным капюшоном читал посредине коридора «Deus Magnus», и бледные лица прижимались к решетчатым отверстиям в двери. Вуд узнал Борстальскую тюрьму Оборонской системы молчания, в которой он сидел несколько лет в молодости.

Патер прервал молитву и сказал, отбрасывая капюшон:

— Тысяча двести восемьдесят две камеры ночного разъединения, четырнадцать карцеров и шесть камер приговоренных к лишению жизни. Молчанье содействует нравственному воспитанию.

Потом он закрылся капюшоном и превратился в небольшой зеленый фонарь на носке ботинка Вуда.

Китаец подошел и сбросил фонарь вниз.

— Благодарю вас, сэр, — сказал Вуд, приподнимаясь. Каждая стена курильни проломилась под тупым углом, и восьмисторонняя зала возникла под серым светом, падавшим сверху.

Семь коридоров отходили от стен в глубину. Усталый надсмотрщик на низкой скамейке возле камеры заснул над Библией.

— Ба, Черри Гиль! — вскричал Вуд: — Пенсильванская тюрьма!

Привычной рукой он ощупал на груди бляху с номером. Бляха приблизилась к глазам.

— Четыре тысячи триста двадцать два, — сказал Вуд.

— Здесь, — ответил он самому себе.

— На прогулку, — сказал надсмотрщик через отверстие в двери. Шулер соскочил с нар, расплатился с китайцем, снял с гвоздя вязаную маску с прорезами для глаз и отправился обычным путем, по длинному коридору, залитому серым бетоном, на арестантский дворик.

— Знаю, — сказал Вуд, — маска и серый бетон: Сен-Жильская тюрьма.

Надсмотрщик положил руку на его плечо и спросил певуче:

— Пеарвый рааз?

Вуд обернулся. Длинный коридор раскинулся крестом, окруженным пятью стенами. Дверь с правой стороны отворилась. Вуд ступил шаг и зажег спичку: под ногами были трехгранные брусья острыми концами вверх. Он бросился назад. Дверь захлопнулась, и свет погас.

— Чорт возьми, — сказал Вуд, приподнимаясь, — это Регенсдорфская система.

Ляо-Тянь вошел в комнату и присел на низенький табурет возле двери.

— Что-нибудь одно, — нет, что-нибудь одно, — сказал Вуд, — или я...

Потолок упал на него и рассыпался кусками извести. Он сидел на нарах и озабоченно чистил платье. На нем была полосатая куртка каторжника с жестяными пуговицами.

Верхняя пуговица превратилась в глаз. Глаз смотрел на Вуда. Рядом с ним возник второй; морщинистый лоб прорезался над ними. Небритый подбородок выдвинулся вперед. Лицо смотрело на Вуда. [redacted]

— Довольно, чорт возьми, — сказало лицо, и чья-то рука схватила агента за шиворот. [redacted] — Я думаю, что вам порядочная чертовщина снится.

Серый свет прыгнул вверх и расплющился. Вуд открыл глаза.

Он приподнялся и сел на нарах, бледный, с осунувшимся лицом, с горящими глазами.

— Ага! — вскричал он, взмахивая рукой: — вот в чем дело! Очень рад видеть вас, сэр! Как нравится вам Регенсдорфская система? Вы не находите ли, чорт возьми, что мир вышел из повиновения богу?

Панаев отступил на два шага и посмотрел на него с удивлением.

Вуд соскочил с нар, положил ему руку на плечо и продолжал, сверкая глазами:

— Все гибнет, сэр! Мир вышел из повиновения богу! Но я нашел, наконец, способ, которым можно в несколько лет вернуть мне власть, а миру покорность. Нет ничего проще, сэр! Стоит только организовать мир по тюремной системе города Регенсдорфа.

Панаев взглянул на Ляо-Тяня. Китаец подошел к Вуду и стал легонько похлопывать его по плечу.

— Нитчеаго, нитчеаго, это первый рааз тоалька. Сейчас проайдет. Нитчеаго, бывает.

— Одну минуту внимания, сэр! — продолжал агент. — Как могут они сомневаться в том, что я — бог?! Вы представляете себе, сэр, организацию мира по тюремной системе? Надсмотрщики у дверей, свет сверху, прогулки по мощеным плитам, Библия — и человечество снова в моей власти. Точность, покорность, молчанье — время времени и пространство пространства.

Взгляд его упал на левую руку Панаева. Он вздрогнул и остановился.

— Панаев...

— Нитчеаго! — повторил Ляо-Тянь: — вот и проашло Здаоров буудешь! Коари дальше! Нитчеаго!

Вуд поднес руку к лицу и задумался. Еще минута, и строителя мира по Регенсдорфской системе сменил агент английской полиции, спокойный, с бесстрастным лицом.

— Однако, — сказал он, пытаясь улыбнуться Панаеву, — как сильно на меня подействовал опиум. Я, кажется, обеспокоил вас, простите.

— Нет, ничего, — отвечал Панаев, — вы меня даже заинтересовали. Организовать мир по тюремной системе? Странная мысль!

Вуд рассмеялся.

— Вот уж не знаю, что забрело мне в голову. Как вы говорите — мир по тюремной системе? Да, в самом деле, престранная мысль.

Взгляд его упал на газету, лежавшую на изголовьи кушетки.

Он прочел почти машинально: «Большое сражение у Вердена. Атака германцев в районе Вердена (фронт 40 километров) принимает размеры крупного боя с возрастающим напряжением. Бомбардировка ведется из орудий крупного калибра».

Он обернулся. Панаев подозвал Ляо-Тяня, расплатился с ним, кивнул Вуду головой и вышел из комнаты. Агент бросился вслед за ним.

Подслеповатый китаец вновь отворил дверь. Вуд бросил ему мелкую монету, перешел дворик и исчез за воротами.

8

Февраля 12. Провел ночь в доме № 112 по Обводному каналу. Вышел в 7 часов утра, пошел по Лиговке, свернул на Невский, вошел в подъезд дома 106. Вышел через полчаса переодетый — фетровая шляпа, черное пальто с бархатным воротником, в руке трость.

Февраля 13. С 11 часов утра целый день не выходил из дома 106 по Невскому. Ночь провел там же.

Февраля 14. Вышел в 12 дня — черное пальто, шляпа, трость, портфель, дошел пешком до Морской, прошелся назад до Казанского собора. Кого-то ждал; через полчаса поехал на извозчике через Дворцовый мост. Зашел в Ази-

атский музей. Оставался там до $3^1/_2$; вышел с туго набитым портфелем. Вернулся в № 106 и там оставался до ночи. В 12 часов пешком пошел в клуб — Владимирский, 12. В клубе играл и много выиграл. Сведения о том, что он — шулер, повидимому, ложны. Ничего не заметил.

Февраля 15. Вчера ночью вышел из дома № 106, одетый в солдатскую шинель без ремня, в черной форменной фуражке. Прошел по Знаменской площади, свернул на Калашниковский проспект, прошел в курильню. Пробыл до утра. Утром вышел с китайцем; оживленно говорили. Дошли вдвоем до Суворовского; китаец вернулся назад. Прошел до Греческого; ворота № 47. Оставался до утра.

Февраля 16. Весь день у № 106. Не приходил.

Февраля 17. То же.

Февраля 18. То же. Справлялся у дворника, не проживает.

Февраля 19. Справлялся о местожительстве. Дали ответ: выехал в 1915 году.

Февраля 20. Потерял след.

Февраля 21. В 12 часов ночи встретился у Владимирского клуба. У входа говорил с высоким в пенсне, белокурым, лет тридцати-сорока. Кольца на руках. Играл всю ночь. Много выиграл. Шулер? Играет кованой колодой? Вернулся в 7 часов утра.

Февраля 22. Провел весь день в № 106, кв. 27, 2-й этаж, слева третье окно. В 9 часов вечера вышел в солдатской шинели и меховой шапке с ушами. На трамвае поехал на Васильевский. Слез у Седьмой линии, прошел пешком до Среднего проспекта. Вошел в дом № 64. Игорный притон. Оставался до трех ночи.

Февраля 24. . . . .

Февраля 26. . . . .

Февраля 28. Ночь провел в клубе на Владимирском.

Марта 2. . . . .

Марта 4. . . . .

Марта 7. Ночь провел в клубе на Владимирском. Бывает здесь еженедельно.

Марта 8. В 2 часа дня поехал в министерство по иностранным делам. Провел там два часа. Вернулся и не выходил до ночи.

В то время как английская церковь во главе с архиепископом Честером молила бога о ниспослании победы над проклятыми немцами, католическая церковь — римский конклав — папа Бенедикт и кардиналы молили бога о поражении нечестивых поборников лютеранской ереси, а лютеранская церковь молила бога о том, чтобы ненавистные союзники были поверженны в прах, — шулер и агент английской полиции Стивэн Вуд — если не бог, то по крайней мере называвший себя богом, — шаг за шагом выслеживал владельца документа, необходимого правительству Британии.

Восьмого марта он шел по Обводному каналу, следя за номерами домов.

«Девяносто два, девяносто четыре, девяносто шесть, девяносто восемь».

«Чайное заведение для извозчиков. Доступно ломовым. Юдель Гамбер и К°», — прочел Вуд.

В чайной стоял сизый туман. Хозяин — рыжий парень с плутовской рожей — сидел за прилавком и пил чай с блюдечка. Рядом с ним хрипел граммофон.

— Что прикажете?

— Мне нужно Скривела, — сказал агент, — он здесь сейчас?

— А вам, позвольте узнать, по какому делу?

— А это вас не касается.

— Как это не касается? — сказал с обидой рыжий парень, выставляя вперед огромную челюсть: — если я и есть самый Скривел?

— Пустое, — сказал Вуд. — Я знаю Скривела. Вы — не Скривел.

— Я Ваську могу позвать, конечно, — сказал рыжий парень, пряча челюсть.

И, обернувшись к двери, которая вела в соседнюю комнату, он крикнул:

— Васька, поди сюда, тебя господин просит.

Скривел вошел в фуражке, лихо надвинутой на ухо. Увидев агента, он сбросил фуражку и протянул ему грязную руку, с гордостью поглядывая вокруг.

— У меня к вам дело, любезный Скривел, — сказал Вуд, не давая руки.

Оборванец провел его в соседнюю комнату, почти пустую.

— С вашего ко мне обращенья, не угодно ли-с пивца, или, может, беленькой потребуется?

— Дело у меня к вам вот какое, — продолжал Вуд, — хотите вы заработать сотню, другую?

— Почему же нет, со всем нашим удовольствием!

— Вы умеете править авто?

— Править машиной? — переспросил Скривел: — вам шофер нужен?

— Мне нужен хороший шофер, — сказал Вуд, — такой, чтобы он мог на ходу подбить извозчика и проехать дальше.

— М-м, — промычал с одобрением оборванец, — понимаем. Я могу и такого шофера достать. Только, конечно, придется военный автомобиль употребить. У меня шоферы знакомы только военные.

— Это ваше дело. Кроме того мне нужен извозчик. Вам извозчиком не приходилось быть?

— Мы, конечно, взломщики, — отвечал Скривел, почесав за ухом, — но, конечно, в случае чего можно и извозчиком. Пожалуйста, вам и извозчик.

Вуд вытащил портсигар, закурил, предложил папиросу оборванцу.

— Так поговорим.

Они говорили около часу. Агент разложил на столе лист бумаги, начертил несколько линий карандашом и передал бумагу вместе с деньгами Скривелу.

Скривел сложил бумагу, сунул деньги в карман, снова содрал фуражку с взлохмаченной головы и раскланялся.

У моста, недалеко от заведения Юделя Гамбера, Вуд сел в трамвай и поехал к Литейному проспекту...

Афишки на стеклах трамвая советовали покупать шоколад Крафта, кровати Ефима Преловского, венскую мебель братьев Тонет. Мальчишка в красной шапочке разевал рот на банку с какао, черномазый негритенок подносил ко рту полные горсти разноцветных леденцов, полнощекая розовая девочка рядом с ним заявляла со смехом, что она умывается только мылом Брокара № 11714...

У Литейного проспекта агент спрыгнул с трамвая

и, спустя несколько минут, звонил у дверей квартиры Свехновицкого.

Он позвонил дважды. Никто не отзывался. Подождав немного, он позвонил в третий раз и пошевелил ручкой.

Наконец, кто-то отворил внутренние двери и спросил с тревогой:

— Кто там?

— Могу я увидеть Свехновицкого, Сигизмунда Фелициановича? — спросил Вуд.

— По какому делу? — отвечали за дверью.

— Нет, ничего особенно важного, — сказал агент, — просто я уезжаю и хотел бы увидеть его перед отъездом.

Входная дверь дернулась на цепочке, и сквозь щель Вуд рассмотрел встревоженное лицо студента.

— Ах, это вы! — сказал он, узнавая, накнец, Вуда.

— Простите, что осмеливаюсь вторично беспокоить вас, — сказал агент, кланяясь.

Свехновицкий провел его к себе и предложил садиться.

— Чем могу служить?

— Видите ли, я уезжаю из Петрограда, — сказал Вуд, поднимая углы губ вверх и улыбаясь, — очень скоро, дня через два-три, а дело с моим документом так и не разрешилось. Так его никто и не перевел.

— Вы, кажется, собирались обратиться к Панаеву? — спросил Свехновицкий.

— Да, именно к Панаеву; но при всем желании я никак не мог его найти. Разумеется, я и не пытался искать его в игорных притонах, как вы мне изволили указать в прошлый раз.

Вуд взглянул на Свехновицкого. Студент сидел с бледным лицом и усталыми глазами и, не слушая, смотрел в окно, мимо агента.

— Простите, — сказал Вуд. — Простите, — повторил он немного громче.

Свехновицкий извинился усталостью и просил продолжать.

— Именно по поводу этого документа я и зашел к вам вторично, — продолжал Вуд. — Не могли бы вы, Сигизмунд Фелицианович...

— Я к вашим услугам, — отвечал студент, не отводя глаз от окна.

— Один из моих знакомых переписывался с известным востоковедом Френом в Голландии. Он обещал мне послать, со своим письмом, точную копию моего документа и ручается, что через три-четыре недели я получу точный перевод. Я и сам пытался было сделать эту копию, но, увы, совершенно неудачно.

Он вытащил из бокового кармана точную копию завещания Уаламы, присланную ему вместе с приказом № 348/24, и положил рядом с нею квадратный лист бумаги, испещренный какими-то нелепыми очертаниями.

Свехновицкий развернул обе бумаги.

— Да, — сказал он, — это даже и на копию, пожалуй, не похоже. Скорее это грубая подделка вашего документа.

— Именно подделка, — улыбаясь сказал Вуд, — и если бы эта подделка сколько-нибудь походила на действительный документ, я бы не осмелился тревожить вас, Сигизмунд Фелицианович.

— Собственно говоря, скопировать ваш документ — пустое дело, — сказал студент, — если бы я...

Он остановился, закусывая губы, и снова посмотрел в окно.

— Если бы я не был так занят последнее время, я бы с удовольствием услужил вам. Впрочем, вот что: зайдите к одному из моих друзей — студенту Ралли; если он свободен, то он не откажется услужить вам.

— Благодарю вас, — вскричал Вуд. — Вы разрешите попросить его адрес?

Свехновицкий написал несколько слов на клочке бумаги.

— Простите, ваша фамилия...

— Шарыгин, Григорий Александрович, — подсказал Вуд.

Он с благодарностью принял записку, простился с Свехновицким и спустился вниз по лестнице.

У самого входа стоял человек в скромном черном пальто и барашковой шапке. Вуд поглядел на него и встретил взгляд внимательный и точный.

Он вспомнил разговор, слышанный им при первой встрече с Свехновицким, приостановился, оглянувшись на

окна студента, и, вздернув брови вверх, подняв углы губ, беззвучно рассмеялся.

Агент русской полиции посмотрел на агента английской полиции, сделал дружественный знак рукой и, одним взглядом объясняя все, указал глазами на подъезд дома.

10

Е. П. Профессору С. П. Университета,
Владимиру Николаевичу Панаеву.

Его Высокопревосходительство Товарищ Министра по Иностранным делам бар. Нольде поручил мне передать Вам его непременное желание увидеть Вас в министерстве 10 марта с/г в 12 часов дня.

Его Высокопревосходительство имеет переговорить с Вами относительно последних известий о смерти Е. В. негуса, полученных из Абиссинии: поэтому Его Высокопревосходительство поручил мне просить Вас привезти с собою хранящийся у Вас документ, подписанный Е. В. покойным негусом Уаламой.

С совершенным почтением
Непр. секр. Тов. Министра по Иностр. делам

Христиан Варнеке.

— Дела идут на лад, — сказал Панаев, перечитывая письмо, — старый пьяница умер.

Он поднялся с кровати, на которой лежал полураздетый, и, бормоча что-то под нос, принялся надевать сюртук. В виду отсутствия левой руки, он проделывал это исключительно с помощью правой. Расчесав усы, он сбросил с левого плеча сюртук, привинтил руку, укрепил ее ремнями и, сунув письмо в карман, прошел в соседнюю комнату. В комнате не было никакой мебели, ни даже занавесок на окнах. У окна стоял стол, вправо от него в углу несгораемый шкаф.

Панаев вставил ключ, нажал три кнопки, отворил неповоротливую дверь шкафа и вынул оттуда сверток пергаментной бумаги.

Документ с непреложной ясностью и вполне непререкаемой точностью свидетельствовал непременное желание негуса Уаламы отказаться от престола в пользу Личьясу, своего высочайшего внука.

Панаев прочел:

«Народы Хабеша и народы Тигрэ!

Тяжкое бремя многочисленных забот государственной власти возложено на Нас, удрученных годами и болезнями. В тревожные минуты борьбы с врагами приняв руководительство страною, Мы возвеличили родину Нашу и привели ее к порядку и благоустройству.

Ныне же, воодушевленные единой с народом мыслию, что выше всего благополучие дорогой Нашей родины, и находясь в тревоге за судьбу престолонаследия Нашего, признали Мы за благо вручить право на высочайший престол Наш обожаемому внуку Нашему Личьясу.

Посему, призывая благословение божие на Нашего Монарха, приказываем всем Нашим верным подданным подчиниться облеченному отныне всей полнотой власти Негусу Негест Хабеша и Тигрэ Личьясу.

(Подписано) *Уалама*».

«Тейч»! — вспомнил Панаев.

Улыбаясь, он свернул пергамент и, перевязав его черной шелковой лентой, прошел в переднюю.

Передняя была так же пуста, как и комнаты. На вешалке одиноко болталась солдатская шинель, плащ и черное пальто с бархатным воротником. Какие-то разноцветные тряпки были свалены в кучу вдоль стен.

Панаев вернулся обратно, достал портфель, фетровую шляпу, надел черное пальто и крикнул:

— Агафья!

Откуда-то из чулана выползла маленькая старушка.

— Ты никого не впускай, Агафья, — сказал Панаев, — слышишь?

— Слышу, батюшка, — прошамкала старуха, — слышу, Владимир Николаевич.

Панаев спустился вниз по лестнице и отворил входные двери.

Недалеко от дома, шагах в десяти, на углу Знаменской, как будто ожидая кого-то, стояла пролетка.

— Извозчик! — позвал Панаев.

Резиновые шины неслышно подкатили к подъезду.

— К Певческому мосту, — сказал Панаев. Он сел в пролетку, положил портфель на колени.

Мимо с достоинством пролетел Невский проспект; извозчик, лихо сдвинув шапку на ухо, плевал на руки, покрикивал на лошадь и с усердием подхлестывал ее под самое брюхо.

Пролетка плавно скатилась вниз и понеслась по Мойке.

В то мгновение, когда извозчик уверенным движеньем отдал вожжи и тотчас же снова натянул их, придерживая лошадь, из-за угла вылетел крытый автомобиль. Панаев почувствовал, что его толкнуло в бок и с силой подбросило вверх.

В ту же минуту он упал назад в накренившуюся пролетку.

Извозчик, сброшенный с козел, встал и принялся добросовестно ругаться.

Автомобиль завернул за угол, и, как крылатое чудовище, понесся по Мойке.

Панаев, опершись о край пролетки, выскочил, поднял упавшую на мостовую шляпу, сунул извозчику, который охал над сломанным колесом, несколько монет и пошел пешком.

До министерства иностранных дел было недалеко. Панаев шел не торопясь, помахивая не в такт левой рукою и слегка прихрамывая.

Пересекая какой-то переулок, он наткнулся на толпу.

В центре ее стоял человек в широкополой шляпе, закрывавшей лицо.

— Господа, — говорил фокусник приглушенным голосом, — обратите ваше внимание на ловкость рук знаменитого Пинетти.

Он несколько раз провел рукой по воздуху, поднес ее ко рту и в то же мгновение вытащил изо рта пару яиц и живую лягушку.

За лягушкой последовал шнур длиною не меньше двенадцати аршин, за шнуром две резиновые губки.

Панаев взглянул на часы. Часы показывали сорок пять минут двенадцатого. Он подошел к фокуснику ближе.

— Вот три платка: зеленый, красный и белый. Я глотаю их, обратите ваше внимание.

Он проглотил платки.

— Который вам угодно?

— Зеленый, — сказал гимназист в разорванных штанах, смотревший прямо в рот фокуснику.

Фокусник плюнул. Зеленый платок вылетел на открытую ладонь.

— Господа, я сейчас покажу необыкновенный фокус, — закричал фокусник сдавленным голосом. — Ничего не проглатывая, я извлеку из горла...

Он пристально посмотрел на Панаева и, сказав негромко: «раз, два, три», вытащил изо рта свернутый и перевязанный ленточкой пергаментный лист бумаги. Тут же он сорвал ленту и, схватив рукой за край пергамент, взмахнул им и развернул лист перед самым носом Панаева.

— «Народы Хебеша и народы Тигрэ!» — прочел Панаев. — Чорт возьми, откуда у вас эта бумага?

Он подбросил портфель, прижал его локтем и, оттянув замок, вытащил манифест Уаламы.

Спустя секунду он выхватил из рук фокусника его пергамент и, положив их рядом на портфель, принялся лихорадочно сравнивать.

Текст был тот же, но по неровному шрифту и сдвинутой печати Панаев тотчас же увидел, что документ фокусника был неискусной подделкой.

— Откуда у вас эта бумага? — вскричал он, поднимая глаза на фокусника.

— Прошу извинения, господин, — отвечал фокусник, — публика ждет.

Протянув руку, он схватил подлинное отречение Уаламы, в одну секунду свернул его в трубку и, прежде чем Панаев успел опомниться, вбросил в рот и проглотил, как аптекарскую облатку.

— Назад, назад! — закричал Панаев, не выпуская из рук портфеля и плечом толкая фокусника: — чорт возьми, что вы сделали? Вы проглотили мою, а не свою бумагу!

— Что такое? — спросил фокусник. Он наморщил перено-

сицу, опустил углы губ и рассмеялся беззвучно. — Ах, простите, пожалуйста, чистая случайность! Одну секунду!

Он закинул голову назад, харкнул и, взмахнув рукой в воздухе, снова вытащил трубку пергаментной бумаги.

Панаев выхватил ее из рук фокусника и развернул с мгновенной быстротой. Шрифт был ровен, печать стояла на месте.

Он с облегченьем вздохнул и, бережно положив документ в портфель, защелкнул замок и обратился было к человеку в широкополой шляпе.

Но покамест Панаев сверял подлинность манифеста Уаламы, фокусник, не собрав в свою шляпу ни одной монеты, скрылся в толпе. Толпа расходилась.

Панаев бросился искать фокусника, никого не нашел и остановился на углу неподвижно; он пытался объяснить себе историю подложного документа.

В 12 часов 15 минут он был принят товарищем министра по иностранным делам бароном Нольде. После приветствия барон Нольде вызвал секретаря.

Через четверть часа эти трое людей с полной достоверностью выяснили:

1) что письмо, полученное Панаевым из министерства по иностранным делам, подложно; никакого вызова, подписанного секретарем Варнеке, ему не посылалось;

2) что и второй документ, вытащенный изо рта фокусником, как и первый, есть только подделка под подлинное отречение негуса Уаламы, исчезнувшее в горле человека в широкополой шляпе.

11

Инспектору полиции
Хью Фоссет Ватсону

Агент полиции
Стивэн Вуд

месяца марта, числа 11,
Лондон. Скотленд Ярд

Настоящим извещаю инспектора Хью Фоссет Ватсона, что приказ № 348/24 от 10 января исполненмною

11 марта с. г., и документ, необходимый правительству Британии, в любое время может быть предоставлен в распоряжение правительства.

Кроме того, сэр, я должен сознаться, что мне надоела дисциплина...

Я имею задать вам два вопроса, сэр:

1. Что стали бы вы делать с агентом, которому смертельно надоела дисциплина и который желает покончить со всеми ста двадцатью четырьмя правилами агентуры английской полиции? — и

2. Не нарушится ли мировой порядок и не рухнет ли в бездну солнечная система, если я — агент Стивэн Вуд — пошлю к дьяволу господина инспектора Ватсона?

Сэр, не стоит мне противоречить.

Впрочем, имею честь доложить, что вышеупомянутый приказ № 348/24 исполнен мною с надлежащей быстротой и точностью.

Как здоровье вашей жены, господин главный инспектор, и не передадите ли вы привета девочке Мэри, которую я любил в молодости?

Но вот в чем дело: как организовать мир?

За последние двести-триста лет — от Томаса Мора и до наших дней — предлагались десятки систем, которые должны были принести счастье человечеству. Пустое, пустое, сэр! Что может сравниться с моей системой, с тюремной системой города Регенсдорфа, которая вернет мне власть и принесет спокойствие вселенной?!.

Все обстоит благополучно, сэр! Безрукий дьявол залетел мне в голову и сверлит мозг. Сегодня ночью я буду играть с ним в игорном доме. Он стар, ходит прихрамывая, у него светлые глаза, и он смотрит ими равнодушно. Китайцы называют его Панау-сеншин, а я, Стивэн Вуд, — «упомянутым в приказе № 348/24 лицом».

Я найду его в игорном доме, и он будет побежден мною, потому что у меня гладкие руки, острые глаза, и потому, что каждая карта отражается в моем сердце прежде, чем ложится на стол.

Известно ли вам, сэр, что город Петроград населен

китайцами? Это пустяки, что в Петрограде живут люди белой расы! Все желтые, сэр! Я окончательно убедился в этом третьего дня утром. Ровно в десять часов утра я вышел, чтобы купить газету, спустился вниз по лестнице и дошел до угла, где стоял газетчик. Газетчик был желт, как лимон. Я посмотрел вокруг: все люди на улицах были желтого цвета, и у всех сзади болтались косы, похожие на собачьи хвосты.

Не думаете ли вы, сэр, что этот безрукий негодяй также тайный агент китайцев?

Я прошу вас поклониться вашей жене, господин главный инспектор, и еще не забыть непременно передать привет Мэри, которую я очень любил в молодости.

При сем прилагается отречение дурака Уаламы, которое ни на чорта не нужно английскому правительству.

Начальник мировой сети тюрем, организованных по системе гор. Регенсдорфа,

Стивэн Вуд.

12

Скользя по оледенелому тротуару, падая и тотчас вскакивая снова, Вуд крался вдоль улицы. Лунный свет падал сзади, и длинная тень, размахивая руками, шагала перед ним, подражая его движениям.

Он прятался в тени заборов, которые закрывали его до плеч. Тогда длинная тень головы качалась перед ним на снегу, высматривая невидимого человека.

Ступая мягко и эластично, агент осторожно выходил из засады; снова впереди него извилистая тень начинала шагать, покачиваясь из стороны в сторону.

Он останавливался, точными глазами изучая ее движения.

Черный человек на снегу также останавливался перед ним, молчаливый и осторожный.

Вуд прятался за углом — черный человек переламывался пополам, перерезанный тенью телеграфного провода, вырастая и уменьшаясь, возникая то впереди, то сзади Вуда.

Скользя вдоль стен, ощупывая руками все, что попадалось на пути, за его спиною, Вуд наткнулся на нишу,

на ворота какого-то дома. Не отводя глаз от черного человека, он наощупь отворил калитку. Черный человек исчез.

Пятясь, Вуд дошел до того места, которым кончался каменный коридор ворот, и, приподнимаясь на носках, медленно повернулся.

На дворе было полутемно. Узкий четырехугольник площадки был заключен в стены; стены отвесными плоскостями летели вверх. Под углом справа падал, резко оттеняя вершины стен, зеленый свет луны.

Вуд вздрогнул и зашатался. Он бросился вперед и вдруг завыл тягучим голосом, бешено встряхиваясь всем телом.

На цементной площадке двора один за другим вкруговую шли, равнодушно покачиваясь из стороны в сторону, арестанты. На каждом была куртка, прорезанная вдоль черными полосками, и на груди у каждого бляха с номером. Невдалеке стояли два надзирателя и надсмотрщик с кожаным кнутом в руке.

Вуд умолк и принялся вглядываться в лица арестантов. Они проходили,—первый, второй, третий,—ступая своей ногой в след ноги того, кто шел впереди,—четвертый, пятый, шестой,—не поднимая глаз, с плоскими и белесыми пятнами вместо лиц.

Седьмой арестант вышел из круга. Это был человек невысокого роста, с лицом, изрезанным морщинами, с широко открытыми точными глазами.

Он поднял брови, опустил углы губ и пристально поглядел на Вуда.

— Стивэн Вуд, здравствуй, Стивэн Вуд,—крикнул Вуд, смеясь.

— Стивэн Вуд, здравствуй, Стивэн Вуд,—ответил строго седьмой арестант, протягивая руку.

Вуд повернулся и медленно пошел обратно к воротам. Дрожащей рукой он распахнул дверь и, не оборачиваясь, вышел на улицу.

Он огляделся вокруг, проводя рукой по лбу, и внезапно заметил, что он идет по Владимирскому проспекту. Перейдя через дорогу, он отыскал дом под № 12 и, отворив тяжелую дверь, поднялся по лестнице вверх, в игорные залы.

Стивэн Вуд поднялся по лестницам, крытым коврами, и, тревожно озираясь вокруг, пробежал в игорные залы.

Свет люстр, ударяясь в зеркала, летел за ним стремительными полосами.

Он закурил и, сдерживая дрожь, остановился у окна неподвижно. Шла мелкая игра. Ночь еще не начиналась.

Скользя по паркету, Вуд быстро прошелся по комнатам и вновь остановился, повернувшись лицом к стене.

Он потирал гладкие и сухие, как вощеная бумага, руки; вытащив из бокового кармана кольцо с небольшим, острым, как конец иглы, камнем, он надел его на безыменный палец левой руки.

Спустя несколько минут он подошел к овальному столу, за которым сидели пять игроков в черных фраках.

Банк держал человек с короткой финской трубкой в зубах. Полуседые волосы падали на лоб. У него было худощавое лицо с выдвинутой нижней челюстью; он был несдержан в движениях, увлечен игрою.

За ним сидел человек, на котором фрак ломался углами, как обожженная бумага. У него был огромный лоб, переходивший в лысый череп, красные веки без ресниц, вдавленный нос Сократа. Он говорил быстро, отрывисто и беспрерывно улыбался.

Третье место занимал курчавый молодой человек с большой головой и проницательными глазами. Он грубо хохотал, махая рукой над головами партнеров, курил папиросу за папиросой, рассыпал пепел по зеленому сукну стола.

За ним, далеко откинувшись от стола, сидел спокойный человек с ясным лицом и стеклянными глазами. Он играл, опуская по временам веко на круглый, как яйцо, глаз.

Пятым играл юноша с горбатым носом, почти мальчик. Вуд бросил папиросу и занял шестое место.

Играли без крупье в chemin de fer; играли быстро, движениями почти машинальными.

Человек с носом Сократа, посмеиваясь, принял банк. Он вытащил из карманов руки с кортокими пальцами и предложил снять колоду.

— Ну-ка, на счастье, — сказал он весело.

Белокурый человек со стеклянными глазами сбросил несколько карт.

Среди игры Вуд вдруг поднял голову и с грохотом отодвинулся от стола: огромное лицо с неподвижными мертвыми глазами смотрело на него в упор.

Он взмахнул рукой. Это был бред, — лицо исчезло.

— Вам держать банк!

Вуд положил руки на стол и с ужасом увидел, что тонкая, острая, как бритва, веревка переплелась вокруг пальцев и крепко-накрепко стянула кисти рук, прорезая мясо. Он сбросил руки со стола и, вложив между ними колено, разорвал веревку... И это бред, он свободен, он честно исполнил приказ.

— Примите же карты! — вскричал человек с трубкой в зубах.

Вуд протянул руки, схватил колоду и принялся тасовать ее, одним скользящим прикосновением пальцев узнавая фигуры.

Белокурый игрок, с сожалением глядя на него, снял колоду.

«Не замечали ли вы когда-нибудь, сэр, что именно тогда, когда я играю, совершаются величайшие события истории... стоит мне бросить вот эту карту...»

И с первой же картой, брошенной на стол его рукою, он увидел, как на зеленом сукне стола, протянутом в бесконечность, французские войска построились в штурмовые колонны. Он увидел, как на высоких холмах была установлена артиллерия. Он слышал, как ветер звенел, расшибаясь о телефонные сети.

— Восемь! Тасуйте карты! Семь! Девять!

«Не замечали ли вы, сэр, что стоит мне проиграть, как тысячи, десятки тысяч людей, клянущихся именем бога, задушенные газами, разорванные металлом, сожженные огнем, лягут на полях сражений?»

Он бил карту за картой...

... Три батареи колониальных войск были расположены вдоль дороги. По дороге тянулись, сшибаясь, грузовики, лазаретные повозки, артиллерийские ящики, телеги. Мотоциклеты пролетали по узкой тропинке вдоль сломанных

тополей. Огромные наблюдательные аэростаты, похожие на пауков с серыми крыльями, висели над зеленым полем.

Вуд смотрел на солдат и видел, как африканцы, с коричневыми лицами, в зеленых шинелях и касках с полумесяцем, готовились к бою. Ветер бил в лица. Черная луна на ущербе летела между синих туч...

С ужасным выражением Вуд принялся глядеть перед собой. На столе появились сперва его руки, держащие колоду, потом черные фраки, лица партнеров.

— Вы, кажется, нездоровы? — спросил игрок с финской трубкой в зубах.

— Благодарю вас, я совершенно здоров, — ответил агент. Он с извинением отошел от стола, выпил стакан воды, вернулся и продолжал игру.

Первая талия была окончена. Вуд тасовал карты, и движения его рук снова приобрели уверенность и точность. В то мгновение, когда карты нижней части колоды были сложены в нужных для него сочетаниях, он как бы нечаянным движением просек колоду пополам, сгибая лежавшую посредине ее карту.

Белокурый партнер, снимая колоду, невольно схватился рукой за надогнутую карту.

«Не думаете ли вы, сэр, что, если бы я не был шулером, мне перестали бы молиться? Что если бы я не был шулером, я проигрывал бы слишком часто и мне перестали бы верить?» Блестя глазами, Вуд с вежливым вниманием принял карты и начал вторую талию.

И с первой же картой второй талии, брошенной на стол его рукою, он увидел, как...

... французские войска, построенные на зеленом сукне, протянутом в бесконечность, начали атаку.

Кто-то прокричал над самым ухом шулера:

— Вы нездоровы, — и добавил, повышая голос до крика: — высота четыреста три, две десятых налево, по три в минуту! Огонь!

Вуд слышал, как орудийные выстрелы, удар за ударом, с молнией и тяжелым свистом резали плотный воздух. Он видел, как взлетали огни и разрывались ракеты. Резкий голос кричал: «Четвертая к оружию! шестая к оружию! четырнадцатая к оружию!»

— Восемь!
— Жир!
— Восемь!
— Восемь!

Вуд опустил голову: солдаты, оборванные, облепленные грязью, прокопченные дымом, с осунувшимися лицами и оскаленными зубами, растянувшись в одну линию, спотыкаясь о трупы, шли в атаку.

Тот же голос кричал над зеленым полем: «Высота четыреста три, три десятых направо, по пять в минуту!» — и добавил, понижаясь до шопота, над самым ухом Вуда:

— Простите меня, но не лучше ли было бы для вас на время оставить игру?

— Уверяю вас, что я совершенно здоров, — повторил Вуд.

И снова он увидел черные фраки, движения и лица партнеров.

— Положение отчаянное, — говорил человек с лысым черепом, потирая рукою затылок, — он выпотрошил меня. У кого еще есть деньги? У тебя, дружище?

Человек с финской трубкой засмеялся таким голосом, как будто его душили.

— Ни чорта!

— Сен-Галли богат! — закричал человек с лысым черепом, не переставая чесать затылок: — у Сен-Галли хорошие родители! Сен-Галли играет.

— У меня почти ничего не осталось, Виктор, — ответил серьезно молодой человек, рассыпавший пепел.

Вуд молча глядел на них, перебирая карты.

— Грудцыну везло! — снова закричал человек с лысым черепом. — Грудцын много выиграл! Грудцын играет!

— У меня есть на пару пива, — сказал, смеясь, белокурый игрок.

— Про маленьких я не говорю, — сказал лысый череп, кидая взгляд на юношу с горбатым носом, — маленьким пора спать.

В это время к столу подошел, прихрамывая, новый партнер. Он слегка поклонился, отодвинул стул и сел между игроками.

Вуд поднял голову и вздрогнул.

Напротив него, лоб в лоб, подпирая голову рукой и задумчиво вертя в руках портсигар, сидел профессор Панаев.

«Ага, безрукая обезьяна! Ага, вот он, Панау-сеншин».

— Угодно вам карту? — спросил Вуд, бледнея и вежливо кланяясь.

— Да, прошу вас.

— Ваша ставка?

— Ва банк.

Вуд осторожно положил перед собою карты, ощупывая колоду: в лоб шел жир, под колодой лежала восьмерка.

Он передернул и открыл карты.

— Восемь!

— Девять, — сказал Панаев. — Ваша бита. Простите, я не успел открыть моих карт. Вы меня предупредили.

Он небрежно и неторопливо засунул деньги в карманы и отошел от стола. Спустя некоторое время он вернулся и продолжал игру.

Вуд вытер потный лоб, сложил руки на груди с напряжением и силой.

Банк перешел к Панаеву. Положив левую руку на стол, он с необыкновенной ловкостью бросал карты одной рукой.

— Разрешите узнать, сколько у вас в банке? — спросил Вуд.

— Тысяча пятьсот рублей, к вашим услугам, — отвечал Панаев.

— Позвольте карту.

Пять игроков, сидевших за столом, одновременно повернулись к Вуду. Это затруднило задачу. Панаев бросил ему две карты.

Принуждая себя к спокойствию, шулер несколько замешкался, протягивая левую руку раньше правой. В правой руке, на одну десятую секунды позже вытащенной из-за борта пиджака, уже лежала карта для подмены. Две карты слились в одну, тройка плотно закрыла бубнового валета и...

— Девять, — сказал Вуд.

— Девять, к вашим услугам, — отвечал Панаев.

На одно мгновение перед Вудом мелькнула склоненная голова китайца.

— Плуоха деала, — сказал певуче китаец, вытягивая губы.

— Угодно вам, — сказал Вуд, низко склонившись над столом и ногтями вырезая овальные линии на потных ладонях, — угодно вам сыграть со мною в штосс на сто тысяч три раза, не понижая ставки?

Панаев поднял на него равнодушные глаза с покрасневшими веками.

— Угодно. Простите, я сейчас кончаю талию.

Он продолжал играть, не торопясь, внимательным взглядом провожая каждую карту.

Вуд, глядя прямо перед собой ничего не видящими глазами, отошел в сторону и остановился неподалеку, поджидая Панаева.

Панаев кончил талию и встал. Они отошли в сторону и выбрали свободный стол. Их тотчас же обступили, ожидая крупной игры.

Панаев вежливым движением руки предложил Вуду быть банкометом, и Вуд скрюченными руками схватил колоду.

— Начнем!

— Прошу вас, — сказал Панаев спокойно. Он сел и, откинувшись назад, щелкнул левой рукой.

— Дама треф налево!

Вуд начал метать. Одна карта еще не достигала стола, как уже другая вылетала из его рук. Когда половина колоды была сброшена, он передернул. Рука задрожала, придерживая одну карту и выбрасывая вперед другую, и дама треф, колеблясь в воздухе, плавно легла н а л е в о.

Шулер приподнялся, с ужасом глядя перед собой. Ослепительно ясный свет мелькнул у него перед глазами и тотчас погас.

— Туз бубен направо, — сказал равнодушно Панаев.

Вуд снова начал метать. Зал раздвинулся, ровная площадь простерлась от стены до стены. Под круглым фонарем на пустой площади бесновались, выбрасывая карты, две руки.

— Налево — направо, налево — направо, налево — направо.

Вуд сделал вольт. Туз бубен стремительно вылетел из рук и лег налево.

— Ваша карта бита, — сказал Вуд. Он глубоко вздохнул и выпрямился.

— Вы ошибаетесь, — отвечал Панаев. — Прошу вас продолжать игру. Налево упал туз червей, а я называл бубнового.

Белесый дым поплыл перед глазами Вуда. Голова Панаева упала на стол, покатилась и, подпрыгнув вверх, остановилась в воздухе перед его лицом.

— Угодно в третий раз? — сказала голова. — Я никак не могу вспомнить, где я имел честь встречаться с вами. Моя карта — тройка пик налево!

Белесый дым сгустился в капли пота на лбу Вуда. Он тасовал колоду, и карты, как раскаленная сталь, обжигали руки. Он принялся метать, незаметно вбрасывая в колоду кованые карты. На этот раз, по свисту этих карт, он знал каждую из них прежде, чем она падала на стол.

В то мгновение, когда тройка пик должна была лечь налево, он положил руку на колоду и, незаметным движением прижимая к колоде кольцо, приколол карту к одной из тех, что были вброшены им в колоду.

И тройка пик, прикованная к меченой тройке пик, упала налево.

— А, сеншин-Панау, безрукая обезьяна, ты!..

Невысокий китаец со сморщенным лицом тенью возник в конце зала. Он подошел к Вуду и положил руку ему на плечо.

— Плуоха деалà, — снова сказал китаец, — чтоа за деалà? Умиарать наадо.

Панаев, наклонившись над столом, разъединил приколотые карты.

— Это шулер, — сказал он, откидываясь в кресле, глядя на агента покрасневшими глазами. — Он бы выиграл, если бы случайно не приколол к тройке пик — другую тройку пик, разумеется, меченую, взгляните!

Вуд шатался, протянув руку вперед.

— Вы — дьяволы, — сказал он, стискивая зубы и кося помутневшими глазами. — Уберите китайца! Все кончено! Довольно! К чорту!

Он упал возле стола, поджимая под себя руки и ища что-то в заднем кармане фрака. Китаец оскалил зубы, засмеялся и, с одобрением качая головой, приблизил желтую, со скрюченными пальцами, руку к его горлу.

СОДЕРЖАНИЕ

№ 512

Отпечатано для Издательства Писателей в Ленинграде, во 2-й типографии ОНТИ им. Евг. Соколовой, Ленинград, пр. Кр. Командиров, 29, в колич. 10 500 экз. Авт. л. 20,8. Заказ № 76. Ленгорлит № 26803 Переплет и супер-обложка В. Матюх. Сдано в набор 19/I 1935 г. Подписано к печати с матриц 7/II 1935 г. Формат 82 × 110 см. Тип. знаков в 1 бум. л. 148 096. Бум. л. 6 3/4. Порядковый № 98. Ответственный редактор М. Слонимский. Технический редактор М. Г. Славин.

1935

Издательство просит читателей и библиотеки отзывы об этой книге присылать по адресу: Ленинград, внутри Гостиного Двора, помещение № 122. Издательство Писателей в Ленинграде